

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ RUSSIAN LANGUAGE. LANGUAGES OF PEOPLES OF RUSSIA

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'28

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-4-680-689

К проблемам формирования активного лексического фонда современного русского литературного языка на основе диалектных средств национального языка

Людмила Александровна ДМИТРУК

ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет»

156005, Российская Федерация, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17

✉ lyudmila-dmitruk@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена проблема формирования активного лексического фонда современного русского литературного языка, важным источником которого считаются народные говоры. Описаны тенденции, определяющие качественные и количественные изменения словарного состава русского литературного языка, влияющие на характер лексико-семантической системы языка национального. Синхронно-диахронный подход к анализу конкретных лексических единиц, например, слов *девушка* и *дедушка*, высокочастотных и актуальных для современного русского литературного языка, позволяет прояснить направление семантико-стилистических трансформаций лексем, что способствует уточнению их генезиса и путей проникновения в стандартный кодифицированный язык. Севернорусские говоры, в том числе костромские, рассматриваются как одно из языковых явлений, оказавших влияние на формирование нормированного литературного языка. В этом контексте особое внимание обращено на творчество писателей конца XVIII – середины XIX века (А.О. Аблесимова, А.Н. Островского, Н.А. Некрасова и др.), связанных с костромским краем, а их произведения проанализированы в качестве значимых источников изучения регионального слова, а также истории его вхождения в литературный язык. Часть диалектной лексики, фигурирующей в авторских текстах, в настоящее время полностью адаптирована литературным языком, другая часть, отличаясь особой разговорной аффецированностью или структурно-семантическими и функционально-текстовыми свойствами, всё ещё занимает пограничное положение между центром национального языка и его периферией. Проанализированные общеупотребительные лексемы современного русского литературного языка во всей совокупности их структурно-семантических и функционально-стилистических свойств появились в нём благодаря процессам перегруппировки, происходившим в разных сферах национального русского языка в исторической перспективе от века XVII к веку XXI.

Ключевые слова: русский литературный язык, лексика, диалекты, костромские говоры, костромские писатели

Для цитирования: К проблемам формирования активного лексического фонда современного русского литературного языка на основе диалектных средств национального языка // Неофилология. 2022. Т. 8, № 4. С. 680-689. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-680-689>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](#) Всемирная

ORIGINAL ARTICLE

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-4-680-689

On the problems of development an active lexical fund of the modern Russian literary language on the basis of dialect means of the national language

Lyudmila A. DMITRUK

Kostroma State University

17 Dzerzhinskogo St., Kostroma 156005, Russian Federation

✉ lyudmila-dmitruk@mail.ru

Abstract. We consider the problem of development an active lexical fund of the modern Russian literary language, an important source of which is considered to be folk patois. We describe the trends that determine the qualitative and quantitative changes in the vocabulary of the Russian literary language, affecting the nature of the lexical-semantic system of the national language. The synchronous-diachronic approach to the analysis of specific lexical units, for example, the words girl and grandfather, which are high-frequency and relevant for the modern Russian literary language, makes it possible to clarify the direction of semantic and stylistic transformations of lexemes, which contributes to clarifying their genesis and ways of penetration into the standard codified language. Northern Russian patois, including Kostroma patois, are considered as one of the linguistic phenomena that influenced the formation of a standardized literary language. In this context, special attention is paid to the works of writers of the late 18th – mid-19th century (A.O. Ablesimov, A.N. Ostrovsky, N.A. Nekrasov, etc.), associated with the Kostroma Region, and their works are analyzed in as significant sources for studying the regional word, as well as the history of its entry into the literary language. Part of the dialect vocabulary that appears in the author's texts is currently fully adapted to the literary language, the other part, distinguished by a special colloquial affectation or structural-semantic and functional-textual properties, still occupies a border position between the center of the national language and its periphery. We analyze the commonly used lexemes of the modern Russian literary language in the totality of their structural-semantic and functional-stylistic properties that appeared in it due to the regrouping processes that took place in various areas of the national Russian language in a historical perspective from the 17th century to the 21st century.

Keywords: Russian literary language, vocabulary, dialects, Kostroma patois, Kostroma writers

For citation: Dmitruk L.A. K problemam formirovaniya aktivnogo leksicheskogo fonda sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka na osnove dialektnykh sredstv natsional'nogo yazyka [On the problems of development an active lexical fund of the modern Russian literary language on the basis of dialect means of the national language]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 4, pp. 680-689. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-680-689> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](#)

ВВЕДЕНИЕ

Лексический состав любого национального языка, в том числе и русского, включает, кроме надтерриториальных кодифицированных языковых единиц, определённое количество локально и социально ограниченных элементов. Часто именно они, в силу своей исключительности, в исторической перспективе оказываются тем самым ценным источником, который подпитывает словарные недра литературного (стандартного) языка. Полное представление о богатстве лексического фонда национального языка можно получить только сопрягая исследование нормированных языковых единиц с элементами различных внелитературных сфер, поэтому до сих пор одним из ключевых вопросов современной лингвистики является проблема соотношения литературного языка с другими социально-функциональными формами языка национального – диалектами, просторечием, жаргонами, арготизмами, городским койне, фольклором.

В этом плане особенно актуальным видится изучение словарного состава русских народных говоров, которые содержат научно значимый материал не только для постижения различных аспектов жизни народа, но и для исследования эволюции литературного языка. Внимания требует здесь, безусловно, анализ исторического взаимодействия литературного языка и народных говоров, особенно в области лексики, на что неоднократно указывали в своих работах многие отечественные филологи, в частности В.В. Виноградов [1, с. 210-211], Б.А. Ларин [2], В.Д. Левин [3], С.М. Толстая [4, с. 55-56], Н.И. Толстой [5; 6] и др. Так, по мысли исследователей, чрезвычайно важен разносторонний филологический анализ словарного состава русских говоров, а именно лексических и семантических архаизмов, в настоящее время изученных ещё недостаточно, к чему следует обратиться не только в плане выяснения народной основы русского литературного языка [7, с. 210], но и шире – для решения вопросов, связанных с процессами славянского этногенеза [4, с. 56; 5, с. 21]. За каждым подобным культурно и исторически значимым фактом языка стоит артефакт традиционной духовной и материальной куль-

туры определённой эпохи. С этой точки зрения глубокого всестороннего изучения требуют костромские говоры, расположенные в глубинной части исконных славянских поселений (Slavia Orthodoxa), где, по словам С.М. Толстой и Н.И. Толстого, сохранились архаичные состояния языка, что и обусловило, в конечном счёте, общность и устойчивость на достаточно большой территории фонетических, грамматических и особенно лексических языковых фактов [4; 5]. Целью настоящей работы является изучение лексем, составляющих базу лексического фонда современного русского литературного языка, в плане их структурно-семантических, стилистических и функциональных особенностей в синхронии и диахронии.

Русский литературный язык в процессе своего формирования и развития часто опирался на богатые ресурсы народной речи, включающей элементы территориальных и социальных диалектов, городского просторечия, фольклорно-этнографические языковые единицы. По словам С.И. Коткова, московский говор, генетически восходящий к северновеликорусской языковой стихии, являвшийся сплавом южнорусских и севернорусских языковых черт, а в области лексики и грамматики ориентировавшийся прежде всего на диалекты к северо-востоку от Москвы, в том числе и костромские говоры, впоследствии лёг в основу складывающегося литературного языка [8, с. 6]. Близость высшей формы национального русского языка к диалектам, пусть и не такая непосредственная, как у некоторых других славянских языков [9, с. 18-19], определила дальнейший путь его становления: начиная с XVII века под влиянием демократических тенденций в литературе он всё чаще начинает ориентироваться на живую разговорную речь. Именно об этом упоминает А.С. Будилевич в 1892 г. в одной из своих известных работ по истории общеславянского языка: «И въ московской Руси средняго періода языкъ дѣловый, а тѣм болѣе книжный отстоятъ отъ говоровъ значительно дальше, чѣмъ въ періодъ древній. <...> в сочиненіяхъ многихъ писателей этого періода мы находимъ въ словахъ и оборотахъ столько свѣжести и сочности, образности и лаконизма, что не остается мѣста для сомнѣній въ живомъ взаимодѣйствіи тогдаш-

ного диалекта с просторечиями московской Руси» [10, с. 241].

В XVIII веке авторы все чаще заявляют о намерении писать доступным русским языком, ориентирующимся на живое разговорное употребление. Как справедливо отмечает В.В. Виноградов, «русский национальный язык в XVII и в XVIII вв. формируется на основе синтеза всех жизнеспособных и исторически продуктивных элементов русской речевой культуры: живой народной речи с её областными диалектами, устного народно-поэтического творчества, государственно-делового языка в его разнообразных вариациях, стилей художественной литературы и церковнославянского типа языка с его разными функциональными разновидностями» [7, с. 189].

Со временем часть простонародных и областных слов, функционирующих в литературно-художественных, а также деловых текстах, обретает статус нормы [1]. Народно-разговорная лексика, к которой в XVIII столетии относится достаточно широкий ряд территориально и функционально ограниченных языковых единиц от диалектизмов и этнографизмов до жаргонизмов и просторечных лексем, начинает частотно употребляться носителями языка, выходить за пределы области своего бытования, вследствие чего переходит в разряд общераспространённой, стилистически нейтральной лексики, составляющей базу русского литературного языка, при этом пополняя его лексико-стилистическую систему новыми членами, уточняя и обогащая словарный запас номинативными, волюнтаривными, эмоционально-экспрессивными языковыми единицами.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Региональная лексика вошла в литературный язык и закрепились в нём во многом благодаря художественным произведениям писателей демократического толка, которые в своих сочинениях стремились колоритно и полно передать народную жизнь, живой разговорный язык представителей различных социальных групп России XVIII – первой половины XIX века. Наличие значительного корпуса текстов, пусть даже художественно обработанных, но содержащих при этом ре-

гионально маркированные слова и устойчивые выражения, позволяет достаточно точно осветить, проанализировать в синхронии и диахронии на фоне исторических и диалектных словарей русского языка, сложный процесс семантико-стилистической перегруппировки лексики, происходивший в национальном языке с конца XVIII века вплоть до наших дней, то есть в целом охватить период становления и развития русского литературного языка.

Одним из первых надёжных свидетельств проникновения диалектной лексики в литературный язык стали произведения писателей, чья жизнь и творчество связаны с костромским краем, севернорусской речевой традицией: А.О. Аблесимов, Н.А. Некрасов, А.Н. Островский, А.Ф. Писемский, А.А. Потехин, С.В. Максимов, И.М. Касаткин, Е.В. Честняков, А.В. Громов и др. В их сочинениях мы часто находим диалектное слово, искусно вплетённое в речевую канву художественного произведения, где в контексте, передающем особенности живого словоупотребления современной автору эпохи, оно реализует свой семантико-стилистический потенциал и выявляет своеобразную разговорную коннотацию. Свободное владение живым народным словом позволило названным авторам органично включить его в письменный дискурс, описать в контексте, продемонстрировать разнообразие семантико-стилистических связей и отношений внутри текста как макроединицы языка, тем самым углубив познания и о диалекте (в его пространственно-временной перспективе развития), и о литературном языке, который у истоков своего возникновения часто «подпитывался» местными словами.

Среди слов, исторически имеющих локальную отнесённость (о чём свидетельствуют, например, данные СРНГ), в их произведениях находим лексемы как знаменательных (*зимник, девушка, дедушка, больно «очень», кросна, летник, луговина, поднизь, тын* и др.), так и служебных частей речи (*де, дескать, -то, -ста* и др.). Часть данной лексики в настоящее время полностью адаптирована литературным языком и оценивается носителями как общеупотребительная, нейтральная, другая же часть занимает пограничное положение между центром нацио-

нального языка и его периферией, поскольку в словарях современного русского литературного языка фиксируется чаще с ограничительными пометами, указывающими на её экспрессивные, коннотативные, функциональные особенности.

Рассмотрим слова *девушка* и *дедушка*, активно функционирующие как в современном русском литературном языке, так и в севернорусских говорах, в том числе костромских.

Девушка. Слово *девушка*, образованное от архаичного корня *дев-*, свойственного всем славянским языкам [11, т. 1, с. 491], в словаре И.И. Срезневского не отмечено. Однако в данном лексикографическом источнике [12, т. 1, с. 779-782] мы находим достаточно объёмный ряд однокоренных слов (*дѣва*, *дѣвица*, *дѣвичи*, *дѣвичьи*, *дѣвичьскы*, *дѣвичьство*, *дѣвочька*, *дѣвѣка*, *дѣвѣство*, *дѣвствовати* и др.), что говорит о продуктивности корневой морфемы в русском языке XI–XIV веков, её способности образовывать новые слова. Лексема *девушка* отмечена в «Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» с монозначением «то же, что девица»¹. Слово *девица* при этом здесь зафиксировано с семантикой «молодая незамужняя женщина»². В словарной статье к слову *девица* указаны и дериваты, которые в тот период, как кажется, начинают выполнять функцию семантико-стилистических синонимов к этой относительно нейтральной лексеме: *дева*, *девка*, *девушка*, *девчина*, *девчонка*. Судя по контекстам и количеству словоупотреблений, зафиксированным в картотеке словаря (22 единицы), именно слово *девица* воспринималось как наиболее общеупотребительное. Слово *дева*, для сравнения, фиксируется 11 раз, имеет в большей степени высокое книжное словоупотребление, лексема *девка* обнаруживает ещё большее количество фиксаций, свыше 25 случаев, и часто характеризует разговорный речевой узус. В отличие от названных слов, лексема *девушка* в XVI–XVII веках употреблялась эпизодически. В словаре отражены всего 2 случая её включения в кон-

текст: «И стану я [Местрюк] со всех брать пошину: с дымов подымовное, с красных девушек почередное. Ист. песни, 448, XVI в. Он [Мишенька] прельстился на его [хана] золоту казну... на тех ли на сорочинычок, по нашему – на красных девушек. Там же, 464. – в обращении. Девушка красная, княжна Анастасьишка Петровна, без матушки сиротинка миленькая, и Евдокеюшка, миленькие светы мои! Ох мне грешнику! Авв. Письма, 283, 1675 г.»³. Как видно из приведённых иллюстраций, данное слово чаще функционировало в составе устойчивого выражения *девушка красная* и применялось в тематически бытовых и фольклорных текстах, было близко народно-разговорной среде.

В XVIII веке, по данным СРЯ XVIII, лексема *девушка* уже достаточно активно употреблялась в речи, имела более развитую систему значений: 1. «молодая незамужняя женщина» и 2. «горничная, служанка»⁴. Причём в СРЯ XVIII в первом значении слово дано со стилистическими пометами «Простонар. → Прост.», указывающими на изменение характера его бытования в системе национального языка и означающими, что данная лексема в начале XVIII века воспринималась носителями языка как слово простонародное, характерное для употребления в речи низших социальных слоёв, простого народа, было близко областным словам и чуждо речи образованных людей. Слово *девушка*, в XVI–XVII веках в большей степени бытовавшее в простонародной, регионально-маркированной среде, в начале XVIII века было ещё очень близко диалектам. Однако к концу столетия эта лексема утратила экспрессию сниженности, стала функционировать в речи как общеупотребительное слово, хотя и противопоставлялось книжному синониму *дева*⁵. В то же время в XVIII столетии продолжали бытовать и другие однокоренные слова: это существительные *дева*, *девица*, *девка*, *девочка*, *девуля*, *девчина*, *девчонка*, употребляемые с тем же значением, но отличающиеся стилистически. Так, в комической

³ Там же. С. 105.

⁴ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 6. Л.: Наука, 1991. С. 67.

⁵ Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарём. Указатель источников / под ред. Ю.С. Сорокина. Л.: Наука, 1984. С. 36.

¹ Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. / под ред. О.С. Межелской. Вып. 5: Да–Дотянуть. СПб.: Наука, 2012. С. 105.

² Там же. С. 103.

опере «Мельник-колдун, обманщик и сват» драматурга А.О. Аблесимова, выходца из костромских (галичских) мелкопоместных дворян, слово *девушка* употребляется как свободно, так и в составе устойчивого сочетания *девушка-невеста*, имевшего значение «девушка, достигшая брачного возраста»: «*Анюта. Матушка меня не пускает; говорить, ты дискать, ужъ дѣвушка невѣста, такъ женихи осудятъ, и я отъ этого иногда и плачу*»⁶, «*Анюта. <...> люблю ли, нѣтъ ли, до того — дѣла нѣтъ, это вить дѣвушке невѣсте сказывать кажется стыдно*»⁷. К тому же в пьесе встречаются и другие родственные лексемы — *девица*, *девка*, *девочка*, употребляющиеся и свободно, и в составе устойчивых оборотов, по-видимому, частотные в разговорном речевом узусе современного автору периода: «*Филимонъ (Анютъ.) Дѣвица красная, подбру ль живиошь, поздраву*»⁸, «*Мѣльникъ. О! о! это пліовое дело, я смѣкнулъ, какъ быть этому; дѣвка будетъ наша!*»⁹; «*Мѣльникъ. Дѣвка-та у васъ на возрастъ, пора бы еіо веселымъ пиркомъ да за свадебку*»¹⁰; «*Мѣльникъ. Какъ женится на дѣвочкѣ дѣтинка; То придетъ мнѣ в карманъ отъ нихъ полтинка*»¹¹.

Примечательно, что слово *девушка*, ещё в начале XVIII века имевшее статус функционально ограниченного, свойственного в большей степени народно-разговорному обычаю употребления, коннотативно близкого лексемам *девуля*, *девчина*, также отмеченным в СРЯ XVIII, к концу столетия стало восприниматься как общеупотребительный экспрессив, практически равный по своим семантико-стилистическим свойствам слову *девица*. Это же понимание лексемы сохранилось вплоть до конца следующего века: слово *девушка* со значением «каждая из женского пола от младенчества до замужества» употреблялось как уменьшительно-ласкательное (в «Словаре церковно-славянского и русского языка» дана помета *смягч.*) к слову

*девица*¹². В словаре В.И. Даля, отражающем узус XIX века, слово *девушка* зафиксировано как один из вариантов употребления лексемы *дева* — «всякая женщина до замужества своего» без помет [13, т. 1, с. 391]. В произведениях А.Н. Островского, драматурга, чья жизнь и творческий путь тесно связаны с костромской землёй, видим у этого слова в контексте и вполне нейтральные семантические связи, и разговорно-маркированные употребления, это ещё раз подчёркивает тот факт, что во второй половине XIX столетия лексема *девушка* уже находилась на пути перехода из области языковой периферии к литературному языку: напр., «*Катерина. Да что же это я говорю тебе: ты девушка*», «*Борис. Я не разобрал, темно было. Девушка какая-то остановила меня на улице и сказала, чтобы я именно сюда пришёл, сзади сада Кабановых, где тропинка*» и «*Катерина. Знаешь, как я жила в девушках? Вот я тебе сейчас расскажу*», «*Феклуша. Уж больно я люблю, милая девушка, слушать, коли кто хорошо воет-то*»¹³.

В современном русском литературном языке слово *девушка* употребляется со значением «лицо женского пола, достигшее физической зрелости, но не состоящее в браке»¹⁴ и является нейтральным, общераспространённым словом, составляет базу словарного фонда литературного языка. Однако до сих пор в народных говорах, особенно севернорусских, к которым относятся и костромские, оно реализует свой богатый семантико-стилистический потенциал намного активнее, чем в нормированном языке. Так, в СРНГ у данной лексемы находим следующие значения: 1. «обращение к лицу женского пола независимо от возраста» с географическими пометами *Юрьев. Влад., Мещов., Калуж., Кашин. Твер.* и оттенками значения «ласковое обращение к женщине» *Мещов. Калуж.*, «ласковое обращение к женщине-ровне, хотя и замужней» *Мещов. Калуж.,*

⁶ Комическая опера Мельник, колдун, обманщик и сват в трёх действиях. Соч. А. Аблесимовым. СПб.: Тип. Императ. Моск. ун-та, 1792. С. 21.

⁷ Там же. С. 33.

⁸ Там же. С. 20.

⁹ Там же. С. 16.

¹⁰ Там же. С. 33.

¹¹ Там же. С. 56.

¹² Словарь церковно-славянского и русского языка: в 4 т. СПб.: Тип. Императ. Академии наук, 1847. Т. 1. С. 384.

¹³ Островский А.Н. Гроза. URL: <https://ilibrary.ru/text/994/index.html> (дата обращения: 31.02.2021).

¹⁴ Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2000. С. 244; Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1985–1988. Т. 1. С. 375.

Буйск. Костром., Юрьев. Влад.; 2. «дочь» с территориальными пометами *Алап., Свердл, Кинеш. Костром., Арх.*; 3. «девочка» с пометами *Кинеш. Костром., Новг., Ленингр., Волог., Арх.*¹⁵ В «Словаре говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи» Н.С. Ганцовской отмечено функционирование лексемы *девушка* в связанном значении в составе фразеологизма *девушка в почёте* с семантикой «красивая девушка, пользующаяся вниманием молодых людей, славена»: «*Девушки, которые в почёте, дак до бела-до белова на беседе сидели: кому пондравилась, опять берёт. Оне друк дружку уводили*» Галич. <ское> (Чёлсма) [14, с. 89].

Дедушка. Слово *дедушка*, производное от общеславянского корня *дед-* [11, т. 1, с. 494], в словаре И.И. Срезневского не зафиксировано. Однако и здесь мы находим достаточно обширный ряд родственных слов с данным корнем: *дѣдъ, дѣдина, дѣдичъ, дѣдичьна, дѣдичьство, дѣдъниш, дѣдъньство, дѣдъство, дѣвъство, дѣвствовати* [12, т. 1, с. 783-784]. Следовательно, корневая морфема *дед-* в русском языке XI–XV веков была продуктивна, имела способность к образованию новых лексем. В «Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.», фиксирующем обычай употребления, принятый в обширной области бытования центральных русских говоров, на территориях, находящихся в сфере влияния Москвы, куда относились в том числе и костромские земли, приводятся следующие однокоренные слова: *дед, дедина, дедичъ, дедка (дедко), дедний, дедовский, дедушка (дедушко)*¹⁶, среди которых два – *дедка* и *дедушка* – указаны с вариативным севернорусским окончанием *-о* (ср.: *дедко* и *дедушко*), что, как кажется, хорошо иллюстрирует процесс выработки литературно-письменной традиции, актуальной для того периода, её ориентацию на народно-разговорную речевую основу. В картотеке словаря зарегистрировано 7 упоминаний производного слова *дедушка (дедушко)* в значении «дед» с экспрессивно-эмоциональным суффиксом *-ушк-* и пометой

*ласк.<ательное>*¹⁷, что наряду с нестабильной флексией *-а/-о* может свидетельствовать о недостаточной степени нейтральности лексемы в оценке носителей языка анализируемого временного периода.

В СРЯ XVIII слово *дедушка* и его вариант *дедушко* зафиксированы с разными стилистическими пометами: лексема с флексией *-а* имеет помету *прост.<ое>* и характеризуется как слово, лишённое резкой экспрессии, по-видимому, близкое к нейтральному общезыковому употреблению, а лексема с флексией *-о* указана с пометой *просто-нар.<одное>*, то есть слово, характерное для речи низших социальных слоёв и близкое к диалектному дискурсу¹⁸. Лексема *дедушка(-о)* в СРЯ XVIII отмечена с двумя значениями: 1. Ласк.<ательное> к *дед* с прямым значением «отец отца или матери»; 2. «старик»¹⁹, а также оттенком значения «дедушка, домовый» с пометами *просто-нар.<одное>*, *миф.<ологическое>*²⁰. Именно это, второе, значение наблюдаем у слова в произведении А.О. Аблесимова «Мельник-колдун, обманщик и сват», где одного из главных героев, мельника Фаддея, таким образом именуют другие персонажи: «*Филимонъ. О! ты дѣдушка Фадей! И ты сильной ворожища! Ты могучей чародей. <...> Ты намъ, дѣдушка, помога, // У ково кручины много*»²¹, «*Анюта. Дѣдушка! мнѣ што-та чудится*»²².

У Аблесимова лексема употребляется достаточно активно – 9 раз – и в номинативной, и в апеллятивной функции, что связано ещё и с влиянием фольклорной традиции: в произведениях устного народного творчества так часто именуют различных мифологических существ – домовых, леших, колдунов. Этот факт, бесспорно, свидетельствует о распространённости слова в народно-разговорной среде XVIII столетия.

На рубеже XVIII–XIX веков лексема *дедушка* в значении «отец отца или матери» всё

¹⁷ Там же. С. 109.

¹⁸ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 6. Л.: Наука, 1991. С. 70; Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарём. Указатель источников / под ред. Ю.С. Сорокина. Л.: Наука, 1984. С. 36.

¹⁹ СРЯ XVIII. Вып. 6. С. 69-70.

²⁰ Там же.

²¹ Комическая опера Мельник, колдун, обманщик и сват в трёх действиях... С. 13.

²² Там же. С. 33.

¹⁵ Словарь русских народных говоров. Вып. 7. Л.: Наука, 1972. С. 320.

¹⁶ Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. / под ред. О.С. Межелской. Вып. 5: Да–Дотянуть. СПб.: Наука, 2012. С. 108-109.

чаще используется в речевой практике как общеупотребительное слово. В «Словаре церковно-славянского и русского языка» эта лексема дана с пометой *прив.*, то есть «речение приветственное» к слову *дед* «отец отца или матери»²³. Однако здесь же указывается и фольклорное употребление (напр., *дедушка домовой*) – «нечистый дух, живущий, по мнению простого народа, в домах»²⁴. Лексема *дедушка* к концу XIX столетия становится всё более нейтральной, общеупотребительной, о чём говорит и отсутствие каких-либо географических помет в словаре В.И. Даля, где находим следующие значения: «отец отца или матери», *умал. <ительное>* «старик», «предки вообще», «почётное прозвание домового» [13, т. 1, с. 393]. Многочисленные производные лексемы, указанные в словарной статье к слову *дед*, напротив, локально окрашены, например, *нвг.* дедко, *юж. зап.* дедуга, дедуган, дедуна и др. [13, т. 1, с. 393].

По данным словарей современного русского литературного языка, слово *дедушка* на синхронном срезе XX–XXI веков функционирует с двумя значениями: «отец отца или матери» и «старый человек, старик»²⁵. Данная лексема утратила связь с народной речевой средой, фольклором и закрепились в литературном языке как нейтральное общеупотребительное слово, приобрела самостоятельную номинативную значимость и практически потеряла свою подчинённость как эмоционально-экспрессивное образование к слову *дед*. В качестве ласкательного к лексеме *дед* словари фиксируют слово *дедуля*²⁶, что, возможно, связано со стремлением языка к обновлению экспрессивных средств. Несмотря на это в русских народных говорах, в том числе и севернорусских, у слова *дедушка* до сих пор обнаруживаем достаточно широкую систему значений: «дед (только по матери)» *Пенз.*; «прадед» *Новг., Калинин.*; «у раскольников – лицо, исполняющее обязанности священника» *Кара-Калпак. АССР, Крал.*; «домовой» *Казан., Яросл., Пенз., Симб., Перм., Арх.*, устойчивое сочетание дедушка

безымянный «домовой» *Нерехт., Костром.*; «эвфемистическое название медведя» *Колым., Свердл.*²⁷ Как видно из данных СРНГ, лексема *дедушка* в народных говорах часто фигурирует в контекстах, связанных с отражением в речи носителей языка мифологических представлений об окружающей действительности. В словаре Н.С. Ганцовской отмечено функционирование анализируемой лексемы с семантикой «мифологический персонаж, обитающий в доме» и пометой *фольк. <лорное>*: «*Наш дедушка добрый был, хозяевам помогал*» *Чухл. <омское>* [14, с. 89]. Отметим, что в костромских говорах слово *дедушка*, помимо своего прямого номинативного значения – наименование родственника, сохранило в составе семантической системы ещё и архаичную составляющую, тесно связанную с фольклорной традицией края.

ВЫВОДЫ

Таким образом, история вхождения в литературный язык лексем *девушка* и *дедушка* отражает общезыковую тенденцию перераспределения существительных с суффиксами субъективной оценки в системе национального языка в исторической перспективе от XVII века к веку XXI: часть слов, таких как лексемы *девушка* и *дедушка*, утратила свою экспрессию, на современном синхронном срезе они воспринимаются носителями языка вполне нейтрально, другая часть лексем и сейчас, имея в составе словообразовательной парадигмы более индифферентные языковые единицы, является диминутивами (как, например, слово *дедуля*) или аугментативами (например, лексема *дедуган*). Рассмотренные в статье лексемы показали частные особенности динамических процессов лексико-семантической перегруппировки, которые отмечаются и в настоящее время в системе национального языка, особенно активно затрагивают такие его сферы, как местные говоры и литературный язык, что обусловлено их значительной генетической близостью. Поэтому понимание тектонических процессов, внутренних изменений, происходящих в русских народных говорах, в частности костромских, существенно и в отношении исследования истории русского литературного языка.

²³ Словарь церковно-славянского и русского языка: в 4 т. СПб.: Тип. Императ. Академии наук, 1847. Т. 1. С. 384.

²⁴ Там же.

²⁵ Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1985–1988. Т. 1. С. 376.

²⁶ Там же. С. 377.

²⁷ СРНГ. Вып. 7. С. 331–332.

Список источников

1. Виноградов В.В. О связях истории русского литературного языка с исторической диалектологией // История русского литературного языка. Избранные труды. М.: Наука, 1978. С. 206-215.
2. Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание / сост. Б.Л. Богородцкий, Н.А. Мещерский. М.: Просвещение, 1977. С. 166.
3. Левин В.Д. Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII – начала XIX в. М.: Изд-во «Наука», 1964. 408 с.
4. Толстая С.М. Говоры Русского Севера на общеславянском фоне // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 6. С. 53-59.
5. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 512 с.
6. Толстой Н.И. О соотношении центральных и маргинальных ареалов в современной Славии // Избранные труды. Очерки по славянскому языкознанию. М.: Языки русской культуры, 1999. Т. 3. С. 10-30.
7. Виноградов В.В. Избранные труды. История русского литературного языка. М.: Изд-во «Наука», 1978. 320 с.
8. Котков С.И. Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М.: Изд-во «Наука», 1974. 359 с.
9. Вендина Т.И. Русский литературный язык и русские диалекты // Славянский альманах. 1998. № 1997. С. 18-28.
10. Будилович А.С. Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы. Т. 2: Зарождение общего языка на славянском Востоке. Варшава: Изд. и изданием С.-Петерб. слав. благотвор. о-ва, 1892. 375 с.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1964–1973.
12. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. СПб.: Тип. Императ. Академии наук, 1893–1912.
13. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
14. Ганцовская Н.С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова; Москва: Кн. клуб Книгобек, 2015. 512 с.

References

1. Vinogradov V.V. O svyazyakh istorii russkogo literaturnogo yazyka s istoricheskoy dialektologiyey [On the connections of the history of the Russian literary language with historical dialectology]. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka. Izbrannyye trudy* [History of the Russian Literary Language. Selected Works]. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 206-215. (In Russian).
2. Larin B.A. *Istoriya russkogo yazyka i obshcheye yazykoznaniye* [History of the Russian Language and General Linguistics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1977, p. 166. (In Russian).
3. Levin V.D. *Ocherk stilistiki russkogo literaturnogo yazyka kontsa XVIII – nachala XIX v.* [Essay on the Style of the Russian Literary Language of the Late 18th – Early 19th Century]. Moscow, “Nauka” Publ., 1964, 408 p. (In Russian).
4. Tolstaya S.M. Govory Russkogo Severa na obshcheslavyanskoy fone [Northern Russian dialects against the common Slavic background]. *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta – Proceedings of Petrozavodsk State University*, 2018, no. 6, pp. 53-59. (In Russian).
5. Tolstoy N.I. *Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistike* [Language and Folk Culture. Essays on Slavic Mythology and Ethnolinguistics]. Moscow, Indrik Publ., 1995, 512 p. (In Russian).
6. Tolstoy N.I. O sootnoshenii tsentral'nykh i marginal'nykh arealov v sovremennoy Slavii [On the ratio of central and marginal areas in modern Slavia]. *Izbrannyye trudy. Ocherki po slavyanskomu yazykoznaniyu* [Selected Works. Essays on Slavic Linguistics]. Moscow, “Languages of the Russian Culture” Publ., 1999, vol. 3, pp. 10-30. (In Russian).
7. Vinogradov V.V. *Izbrannyye trudy. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka* [Selected Works. History of the Russian Literary Language]. Moscow, “Nauka” Publ., 1978, 320 p. (In Russian).
8. Kotkov S.I. *Moskovskaya rech' v nachal'nyy period stanovleniya russkogo natsional'nogo yazyka* [Moscow Speech in the Initial Period of the Formation of the Russian National Language]. Moscow, “Nauka” Publ., 1974, 359 p. (In Russian).

9. Vendina T.I. Russkiy literaturnyy yazyk i russkiye dialekty [Russian literary language and Russian dialects]. *Slavyanskiy al'manakh – Slavic Almanach*, 1998, no. 1997, pp. 18-28. (In Russian).
10. Budilovich A.S. *Obshcheslavyanskiy yazyk v ryadu drugikh obshchikh yazykov drevney i novoy Evropy. T. 2: Zarozhdeniye obshchego yazyka na slavyanskom Vostoke* [Common Slavic Language among Other Common Languages of Ancient and Modern Europe. Vol. 2: The Origin of a Common Language in the Slavic East]. Warsaw, Published by the Department of Saint-Petersburg. Slavic Charitable Society, 1892, 375 p. (In Russian).
11. Fasmer M. *Etimologicheskyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, Progress Publ., 1964-1973. (In Russian).
12. Sreznevskiy I.I. *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka: v 3 t.* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language: in 3 vols.]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Typography, 1893-1912. (In Russian).
13. Dal V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, OLMA-PRESS, 2003. (In Russian).
14. Gantsovskaya N.S. *Slovar' govorov Kostromskogo Zavolzh'ya: mezhdurech'ye Kostromy i Unzhi* [Dictionary of Dialects of the Kostroma Trans-Volga Region: the Interfluvium of Kostroma and Unzha]. Kostroma, Nekrasov Kostroma State University Publ., Moscow, Book Club Knigovek Publ., 2015, 512 p. (In Russian).

Информация об авторе

Дмитрук Людмила Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики и акмеологии личности, Костромской государственной университет, г. Кострома, Российская Федерация, ORCID: [0000-0002-1293-1385](https://orcid.org/0000-0002-1293-1385), lyudmila-dmitruk@mail.ru

Вклад в статью: идея, общая концепция статьи, сбор и анализ данных, написание и оформление статьи.

Поступила в редакцию 07.04.2022

Одобрена после рецензирования 26.06.2022

Принята к публикации 29.08.2022

Information about the author

Lyudmila A. Dmitruk, Candidate of Philology, Associate Professor of Pedagogy and Acmeology of Personality Department, Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-1293-1385](https://orcid.org/0000-0002-1293-1385), lyudmila-dmitruk@mail.ru

Contribution: idea, main study conception, data acquisition and analysis, manuscript drafting and editing.

The article was submitted 07.04.2022

Approved after reviewing 26.06.2022

Accepted for publication 29.08.2022